

A young woman with long, dark hair in a thick braid stands in a library. She is wearing a light green dress with a gold lace collar and a brown velvet cloak. The background is filled with bookshelves.

Ominayashi

*Карандаши
для
двоих*

Ominayashi

Карандаши для двоих

«Автор»

2026

Ominayashi

Карандаши для двоих / Ominayashi — «Автор», 2026

В городе Грифе, стоящем на краю болота, карандаши начали писать сами — не то, что хочет человек, а то, что велит неведомая сила: угрозы, приказы, странные рисунки дверей и лестниц в никуда. Элизабет, девушка с серыми глазами-камешками, приходит в лавку канцелярских товаров «Чистый лист» к тихому продавцу Уильяму — и за чашкой чая из болотного жасмина они решают найти источник странного колдовства. Путь ведёт на край города, в Дом на Краю, где живёт Морриган — человек, который так долго делал карандаши, вкладывая в них себя, что сам превращается в графит. Его помощники — Тень, Голод, Страх и Усталость — оторванные части его души, обретшие собственную волю и жаждущие подчинить город. Это сказка о том, что делает слово чужим, как вернуть его владельцу и можно ли собрать человека заново, если он раздал себя по частям.

© Ominayashi, 2026

© Автор, 2026

Ominayashi

Карандаши для двоих

Карандаши для двоих, или Любовь, которую никто не заказывал

Город, который не умел молчать

Город Гриф стоял на краю болота, и этим, в сущности, можно было бы объяснить всё — если бы болото вообще хоть что-нибудь объясняло. Но болото не объясняло. Оно дышало. Ночью, когда туман поднимался с его чёрной воды и расползался по улицам Грифа, как тесто по сковороде, болото дышало ровно и глубоко, и спящие горожане ворочались во сне, не понимая, откуда взялось ощущение, что кто-то очень большой и очень терпеливый стоит у них под окном.

Гриф был городом невысоких домов — два, самое большее три этажа, и каждый этаж жил своей отдельной жизнью, связанной с соседним лишь тонкими магическими нитями: общая труба, общий двор, общий кот, который гулял по крыше и был убеждён, что крыши принадлежат ему по праву рождения. Дома были сложены из серого камня, добытого в ближних холмах, и от времени камень покрылся бархатистым мхом — не зелёным, как повсюду, а голубоватым, как будто мох тоже знал что-то, о чём молчал.

Улицы Грифа были узкими и кривыми, и каждая упиралась либо в болото, либо в холмы, либо в стену чьего-нибудь сада, через которую свешивались ветви яблонь, покрытых не то плодами, не то фонариками — в сумерках разобрать было невозможно. Фонари на улицах не горели. Точнее, горели, но не те, что стояли на столбах, а те, что висели в воздухе сами по себе, тёплые, медовые, размером с кулак, и двигались, если их просили. Впрочем, просить их двигаться считалось дурным тоном. Фонари сами знали, где нужны.

В Грифе было тридцать четыре пекарни, семь книжных лавок, две аптеки (одна продавала лекарства, другая — вопросы, на которые у них не было ответов), и одна лавка канцелярских товаров, которая называлась «Чистый лист» и принадлежала человеку по имени Уильям.

Нет, не так. Человеку по имени Уильям принадлежала не только лавка. Ему принадлежала привычка разговаривать с товаром, привычка просыпаться до рассвета и привычка думать, что он ничем не примечателен. Последняя привычка была особенно очаровательна, потому что Уильям был примечателен решительно всем — от того, как он носил свой длинный серый шарф (обмотав три раза, но так, что концы свисали на разную длину, и это выглядело не небрежно, а продуманно-асимметрично, как ветка на японском рисунке), до того, как он держал чашку — обеими ладонями, как птицу, которая может улететь.

Но начнём с Элизабет.

Глава первая. Девушка, которая пришла за карандашом

Она вошла в «Чистый лист» в четверг — это важно, потому что четверги в Грифе были особым днём. По четвергам ветер менял направление, и воздух пах то глиной, то ванилью, то старыми письмами. Элизабет вошла, и колокольчик над дверью звякнул дважды, хотя обычно звякал один раз, и Уильям поднял голову от бухгалтерской книги, в которой только что написал «4 пачки пергамента, розовый, 12 монет», и увидел её.

Элизабет была невысокой, с тёмными волосами, заплетёнными в тугую косу, которая лежала вдоль спины, как спящая змея. На ней было длинное платье цвета топлёного молока, и поверх — коричневая куртка с карманами, в которых угадывались очертания книг. Глаза у неё были серые — не серые, как небо, а серые, как речные камни на мелководье: в них можно было увидеть всё, если наклониться достаточно близко и если река не слишком быстро бежала.

— Мне нужен карандаш, — сказала она.

— Карандаш, — повторил Уильям, словно слово ему не понравилось. Или слишком понравилось. — Какой?

— Любой. Но такой, чтобы писал то, что я хочу.

Уильям моргнул. Потом улыбнулся — не широкой продавцовской улыбкой, а той, что появляются у людей, когда они впервые за долгое время встречают кого-то, кто говорит не как все.

— Все карандаши пишут то, что хочет пишущий, — сказал он. — В этом, собственно, их назначение.

— Нет, — сказала Элизабет. — В этом городе — нет.

И она рассказала ему. Не всё, конечно — люди никогда не рассказывают всё при первом разговоре, и слава всему святому, потому что если бы рассказывали, то половина историй так бы и осталась первой главой без продолжения. Но она рассказала ему достаточно.

Карандаши в Грифе стали писать сами. Не все, но многие. Не сразу, но всё чаще. Ты берёшь карандаш, чтобы написать письмо матери — а карандаш выводит: «Не верь тому, что видишь на восточной окраине». Ты хочешь нарисовать дом — а карандаш рисует дверь, которой нет ни в одном доме, и лестницу, уходящую вниз. Ты хочешь записать рецепт пирога — а карандаш пишет: «Он знает, что ты здесь. Уходи.»

Уильям слушал, и лицо его медленно менялось — не как маска, а как небо: одна туча набегала на другую, и за всеми была видна ещё одна, и за ней — что-то, чего он сам пока не понимал.

— Откуда карандаши? — спросил он.

— Мои — от старого канцелярщика с Болотной улицы, — сказала Элизабет. — Он закрыл лавку месяц назад. Сказал, что ему снится один и тот же сон, и во сне кто-то учит его, как делать карандаши, которые пишут сами.

— Учит?

— Да. Кто-то на краю города.

Уильям встал из-за прилавка. Он был высок — выше, чем казалось, когда он сидел, — и шарф его качнулся, как маятник.

— Я знаю, кто на краю города, — сказал он. — Вернее, я знаю, что там есть дом. Его называют Домом на Краю. Я никогда туда не ходил. Не было причины.

— Теперь есть? — спросила Элизабет.

— Теперь есть, — согласился он.

И вот так, за четверговой беседой между продавцом канцелярских товаров и девушкой, которая пришла за карандашом, началось то, что потом никто в Грифе не мог объяснить и что все потом вспоминали с тем странным выражением лица, которое бывает у людей, видевших северное сияние: губы приоткрыты, глаза увлажнены, и слова не подходят.

Глава вторая. Карандаши, которые пишут сами

Потом, когда всё уже случилось, Уильям часто думал: а когда именно он понял, что дело плохо? Не тогда ли, когда Элизабет вошла? Не тогда ли, когда она рассказала про карандаши? Или ещё раньше — когда он проснулся утром и увидел, что все карандаши в его лавке лежат не так, как он их разложил?

Он был аккуратен с карандашами. Это было профессиональное, почти религиозное чувство: каждый карандаш — живое существо, у него есть характер, настроение, предпочтения. Акварельные карандаши любили лежать вразброс, графитные — рядком, как солдаты, а цветные — парами, дополняя друг друга: красный с зелёным, синий с оранжевым, жёлтый с фиолетовым. Так было всегда. Уильям раскладывал их вечером, и они не двигались до утра.

Но в то утро — то самое, четверговое — все карандаши лежали одинаково: остриями к двери. Все до единого. Как стрелки компаса. Как послание.

— К северу, — пробормотал Уильям. — Что на севере?

На севере был край города, болото, холмы, и Дом на Краю.

Он не придал этому значения. Мало ли. Сквозняк. Магия. В Грифе магия была обыденностью, как пыль — в других городах. Но Элизабет пришла и рассказала, и всё встало на места — неровно, с щелями, но встало.

Вечером того же четверга они сидели в «Чистом листе» после закрытия. Уильям заварил чай — не из трав, а из лепестков болотного жасмина, который рос только здесь, у края трясины, и пах так, словно кому-то удалось сварить варенье из тумана и лунного света. Чай был бледно-зелёный, почти прозрачный, и в чашке плавал один лепесток, который медленно раскрывался, как крошечная медуза.

Элизабет разложила на прилавке карандаши — свои и те, что принесла подруга, и те, что нашла в заброшенной школе на Южной улице. Шестнадцать штук. Разных: короткие и длинные, гранёные и круглые, мягкие и твёрдые, с ластиком на конце и без. Она взяла лист бумаги — чистый, разумеется, какой же ещё в лавке «Чистый лист» — и положила перед собой. Потом взяла первый карандаш и подвела его к листу.

Карандаш вырвался из пальцев.

Нет, не вырвался — не так грубо. Он выскользнул, как кошка, которая решила, что её погладили достаточно. И начал писать.

Уильям и Элизабет смотрели, не дыша. Карандаш двигался быстро, уверенно, каллиграфически — так умеют только те, кто пишет всю жизнь, или те, кто никогда не думал, а просто знал. Буквы ложились на бумагу ровными рядами, и почерк был красивым — ни одного лишнего завитка, ни одной кляксы, ни одного колебания.

Текст гласил:

«Город мой. Карандаши мои. Слова мои. Вы будете писать то, что я велю, и писать будете красиво, потому что безобразие утомляет. Если кто-то хочет писать иначе — пусть попробует. Я буду ждать. Я умею ждать. Я ждал дольше, чем стоит ваш город на краю моего болота.»

Тишина в лавке была такой плотной, что, казалось, её можно потрогать. Чай остыл. Лепесток в чашке Уильяма перестал раскрываться и свернулся обратно, как будто ему стало страшно.

— Ну, — сказал Уильям, — это вежливо. По крайней мере, он предупреждает.

— Это не вежливо, — сказала Элизабет. — это объявление войны.

Уильям посмотрел на неё. Она смотрела на бумагу, и в серых её глазах было нечто, что он потом назовёт про себя «яростью порядка» — не злостью, не страхом, а спокойной, собранной решимостью человека, который увидел беспорядок и собирается его устранить. Как хозяйка, которая обнаружила, что муравьи пришли на кухню, и теперь они об этом пожалеют.

— Вы не боитесь? — спросил он.

— Боюсь, — ответила Элизабет. — Но это не отменяет того, что я намерена делать.

— А что вы намерены делать?

— Найти его. Узнать, как он это делает. И сделать так, чтобы карандаши снова принадлежали тем, кто их держит.

Уильям кивнул. Потом встал, снял с полки жестяную коробку, в которой хранил особые карандаши — те, что сделал сам, из графита и глины, без магии, просто руками, — и положил перед Элизабет.

— Попробуйте этот, — сказал он.

Она взяла. Поднесла к листу. Карандаш не дёрнулся. Не выскользнул. Просто лежал в её пальцах, тёплый и послушный, и ждал.

Она написала: «Меня зовут Элизабет.»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.